

Р. И. Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ЧУЧУНА: АВТОХТОННЫЕ ПЛЕМЕНА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ ЯКУТОВ

Аннотация. Актуальность статьи связана с перспективой междисциплинарного подхода при исследовании фольклорных текстов в качестве источника для изучения древних этапов освоения якутами различных ландшафтных зон Якутии. Цель и задачи – систематизация, анализ и историко-культурная интерпретация фольклорных материалов об автохтонах Якутии с привлечением данных лингвистики, этнографии и археологии. Для систематизации фольклорных сюжетов и классификации персонажей используются бинарные концепты «свой/чужой». Доминирующее значение отводится при этом категории «иной», которая предполагает дифференциацию понятий «дикий», «чужой», «другой». В исследовании использованы описательный, сравнительно-сопоставительный, историко-генетический, историко-системный и ретроспективный методы. При анализе историко-географической периодизации фольклорных сюжетов задействован историко-географический подход.

По данным фольклора, автохтонные племена Якутии можно условно разделить на группы «диких» (*чучуна, мулен*), «чужих» (волосатые великаны, крошечные инородцы, длинноголовые сахалар) и «других» (хара сагылы, иноплемenniки *омук*, засыпающие зимой, *туматы, сортолы*). На начальном этапе освоения территория воспринимается как неизведанное «иное», а ее насельники как часть «дикой» природы. По мере обживания образ аборигенов приобретает реальные антропоморфные черты, хотя сохраняет некоторые анатомические аномалии как печать «чужого» периферийного мира. Автор особое внимание обращает на трансформации представлений о чучуна: от «полулюдей-полуживотных», вызывающих первобытный страх, до периферийных «худых духов», а затем к «диким людям», на которых иногда охотятся, и, наконец, к похищавшим женщин *чукчам-чучуна*. Предлагается версия, что под образом загадочных *чучуна* этнографического времени скрывались так называемые «скитальцы» – группы молодых чукчей, овеянных желанием «повидать мир», о которых писал В. Г. Богораз.

На заключительном этапе освоения автохтоны, несмотря на «другие» обычаи и традиции, входят в поле активного социокультурного взаимодействия с потомками пришельцев и в результате ассимиляции растворяются в их составе. Об этом свидетельствуют как памятники археологии, так и топонимы и этнонимы (*омук, тумат, сортол*).

Ключевые слова: якуты; фольклор; освоение; ландшафтные зоны; «свои»-«дикие»-«чужие»-«другие»; инаковость; чучуна; аборигенные племена; этнокультурное взаимодействие; археологические культуры

Благодарности: Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ «ЯНЦ СО РАН».

Для цитирования: Бравина, Р. И. Чучуна: автохтонные племена в исторических преданиях и легендах якутов // Эпосоведение. – 2024. – № 3 (35). – С. 30–45. – DOI : 10.25587/2782-4861-2024-3-30-45.

© Бравина, Р. И., 2024

© Bravina, R. I., 2024

БРАВИНА Розалия Иннокентьевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. лабораторией археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0002-4902-8288. E-mail: bravinari@bk.ru

BRAVINA Rosalia Innokentevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Researcher, Head of the Laboratory of Archeology Institute for Humanities Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0002-4902-8288. E-mail: bravinari@bk.ru

R. I. Bravina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

Chuchuna: autochthonous tribes in the historical legends and myths of Yakuts

Abstract. The article is devoted to the study of folklore texts as a source for studying the ancient stages of Yakuts' settlement in various landscape zones of Yakutia. The purpose and objectives are to systematize, analyze and interpret folklore materials about the aboriginals of Yakutia using data from linguistics, ethnography and archeology. To systematize folklore plots and classify characters, binary concepts of "ours" and "others" are used. The dominant role is given to the category of "other", which implies the differentiation of concepts such as "wild", "alien", "different". In the study, descriptive, comparative-correlative, historical-genetic, historical-systemic and retrospective methods were used. The historical-geographical approach was involved in analyzing the historical-geographical periodization of folklore plots.

According to the folklore, the aboriginal tribes of Yakutia can be divided into groups of "wild" (*chuchuna*, *mulen*), "alien" (hairy giants, tiny foreigners, long-headed *sakhalar*), and "different" (*kara sagyl*, foreigners *omuk*, sleeping in winter, *tumats*, *sortols*). At the initial stage of settlement, the territory is perceived as an unexplored "other", and its inhabitants as part of the "wild" nature. As the area becomes inhabited, the image of the natives acquires real anthropomorphic features, although it retains some anatomical anomalies as a mark of the "alien" peripheral world. The author pays special attention to the transformation of ideas about chuchuna: from "half-people-half-animals" causing primitive fear, then to marginal "thin spirits", then to "wild people" on whom they sometimes hunt, and finally to Chukchi chuchunas who kidnap women. It is suggested that under the image of mysterious chuchunas of the ethnographic time there were so-called "wanderers" – groups of young Chukchi, inspired by the desire to "see the world", as described by V. G. Bogoraz.

At the final stage of settlement, despite their "different" customs and traditions, the aborigines enter the field of active socio-cultural interaction with the descendants of immigrants and eventually assimilate into their ranks. This is evidenced by both archaeological monuments and toponyms and ethnonyms (*omuk*, *tumat*, *sortol*).

Keywords: Yakuts; folklore; development; landscape zones; "ours"- "wild"- "others"- "different"; otherness; chuchuna; aboriginal tribes; ethnocultural interaction; archaeological cultures

Acknowledgements: The study was carried out using the scientific equipment of the SB RAS Yakutsk Science Center Research and Development Center.

For citation: Bravina, R. I. Chuchuna: autochthonous tribes in the historical legends and myths of Yakuts. *Epic studies*. 2024, No. 3(35), pp. 30–45. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-3-30-45.

Введение

Актуальность статьи связана с перспективой междисциплинарного подхода при исследовании фольклорных текстов в качестве источника для изучения древних этапов освоения различных ландшафтных зон Якутии. Г. У. Эргис, классифицируя жанры якутского фольклора, среди исторических преданий особо выделил цикл легенд и преданий о неякутских племенах Якутии, отметив «их ценности в качестве источника по изучению истории северных аборигенных племен» [1, с. 244–246]. Иного взгляда придерживался другой якутский фольклорист В. М. Никифоров, по мнению которого якутские сюжеты идентичны хронологически поздним долганским преданиям о «беглых русских» и по этой причине не представляют интереса ни в информативном, ни в источниковом отношении [2, с. 48–49]. Но даже и с этой точки зрения любой этнокультурный ландшафт сохраняет в себе разновременные и разнородные, различные по своему происхождению пласты знаний и представлений о его обитателях, о чем свидетельствуют работы Г. В. Ксенофонтова [3; 4], А. П. Окладникова [5; 6], С. И. Николаева [7], И. С. Гурвича [8], И. В. Константинова [9], А. Е. Аникина [10], Р. И. Бравиной, Д. М. Петрова [11; 12] и др. Следует отметить, что начало историографии этой и поныне актуальной проблемы

было положено статьей П. Л. Драверта «Дикие люди мулены и чучуна»¹. (1933), которых он видел как «своеобразных представителей человеческой породы, близких по образу жизни к людям каменного века». Эта гипотеза получила своеобразное продолжение в статье якутских ученых, написанной в междисциплинарном ключе с привлечением данных палеогенетики и архаичных сюжетов якутского эпоса олонхо [13]. По заключению авторов, в основу формирования эпического образа враждебных сил *абааһы* легли, возможно, древнейшие контакты людей с реликтовыми гоминоидами – неандертальцами и денисовцами.

В данном контексте мы полагаем, что источниковый потенциал фольклорных текстов по изучаемой проблеме еще далеко не исчерпан. Следовательно, *цель* и *задачи* исследования заключаются в систематизации, анализе и историко-культурной интерпретации фольклорных материалов об автохтонах Якутии с привлечением данных лингвистики, этнографии и археологии.

В статье использованы фольклорные тексты народов Северной Азии, в т. ч. полевые материалы Северной фольклорно-диалектологической (1939–1941) и диалектологической (1957) экспедиций Института языка и культуры при СНК ЯАССР, хранящиеся в архиве Якутского научного центра СО РАН, а также документы из фонда Якутского отделения Императорского Русского географического общества Национального архива РС (Я).

В основу систематизации фольклорных сюжетов и классификации персонажей использованы бинарные концепты *свой/чужой* в якутском языке, в которых вариативность межкультурных отношений представлены категориями «свой» (як. *бэйэ*), «иной» (як. *ураһы, туспа*), «чужой» (як. *туора*), «другой» (як. *атын*) [14]. При этом доминирующее значение отводится категории «иной», предполагающей дифференциации понятий «дикий», «чужой», «другой». Степень проявления *инаковости* зависит от биологических факторов *человек/нечеловек*, географической и социальной близости/дальности, объективности/субъективности представлений и суждений, что позволяет разделить племена автохтонов из фольклорных текстов на «дикие», «чужие» и «другие». При анализе историко-географической периодизации фольклорных сюжетов задействован историко-географический подход.

«Свой» и «иные»

«Свой». Сюжеты в исторических преданиях якутов об автохтонных племенах разворачиваются на достаточно реальном историко-географическом фоне, что органически сочетается с этапами освоения якутами различных природных ландшафтов. По археологическим данным, ранний железный век Якутии в этническом отношении связывается с протоюкагирами и другими неизвестными по этнонимам палеоазиатскими народами, в культуре которых сохраняются традиции позднего неолита и эпохи бронзы. На первом этапе освоения, начиная с III–IV вв., происходят эпизодические проникновения тюрко-монгольских групп из Прибайкалья и Забайкалья. На втором этапе – в конце I тыс., эти процессы принимают устойчивый характер, в результате чего в X–XIII вв. в Лено-Амгинском и Лено-Алданском междуречье появляются дисперсные поселения якутов-скотоводов. На заключительном этапе – в середине – второй половине II тыс., с заселением якутов бассейнов Вилюя, Яны, Индигирки и выходом к побережью арктических морей начинается процесс внутрирегиональной этнокультурной дифференциации.

В якутском эпосе олонхо срединный мир представляется изначально сакральным как творение светлых божеств *айыы* и духов *иччи*, предназначенным для проживания племени *айыы аймаҕа*, которое осмысливается как весь человеческий род, противостоящий «нелюдям» – мифологическим демонам и враждебным иноплеменникам. И неслучайно центральные якуты, проживающие на лено-амгинском междуречье, называют себя *дойду дьоно*. В мифологическом сознании *дойду* – это «мир под солнцем, земля, страна, где живут люди, имеющие происхождение от Айыы (светлых божеств)» [15, с. 157]. Осью сакрального мира якутов-скотоводов выступает *алаас* – луга и поляны, представляющие собой «дарованные божествами» сенокосные

¹ Драверт П. Л. Дикие люди мулены и чучуна // Будущая Сибирь. – 1933. – № 6. – С. 43.

угодья и пастбища. Центральные якуты гордо именуют себя *алаас обото* (букв. дитя алааса). По легендам, до прихода якутов здесь обитали племена *хара сагыл*, в дальнейшем «ставших ветром» и загадочных *сахалар* «с продолговатыми головами». Освоив долины средней Лены, первые насельники вышли на отдаленный «глухой» Вилюй, где встретили племена охотников и рыболовов *тигишлээх сирэйдэр* (букв. люди с шитыми лицами, «шитилицы»), *туматов-дьирикинэй* и *сортолов*, с которыми вступили в тесные контакты, в т. ч. семейно-брачные. Примечательно, что центральные якуты Вилюйский регион иногда называют «землей зятьев» *кутүөттэр дойдулара*, подчеркивая тем самым его некую отстраненность от сакрального центра. В мифологическом сознании вилюйские якуты, географически находящиеся на «недоосвоенной» периферии, адаптировавшиеся в условиях таежно-озерного ландшафта, сочетающие скотоводство с охотой и рыболовством, представляются как *тыа дьоно*, *мас саха* (букв. таежные люди, лесной якут). В свою очередь якуты-скотоводы Лено-Вилюйского междуречья насельников Крайнего Севера, как бы дистанцируясь, именovali собирательно «северниками» *хотулар* [16]. Сами же северные якуты иноэтнические племена называли *таас омуктара* (горные инородцы) или *байбал омуктара* (приморские инородцы) [17, с. 99]. В фольклоре северных якутов сохранились рассказы о «нелюдях» – *чучуна*, «крошечных» инородцах *кырбас омук*, волосатых великанах и иноплеменниках *омук*, засыпающих на зиму.

Таким образом, при удалении от центра «своего» мира освоенное пространство постепенно теряет свою сакральность, переходя в свою противоположность – инфернальный мир.

«Дикие». Наиболее архаичными персонажами этого цикла преданий, преимущественно распространенного среди северных якутов, являются *чучуна* (ср. эвенк. *сучан*, *чучани* ‘беглец’) – «полулюди-полуживотные» фантастического облика (голова срослась с туловищем, челюстей нет; безголовые людоеды, рот и глаза находились на груди; жевали они, приподнимая плечи) [5, с. 85; 7, с. 56–57]. Якуты арктических побережий относили их к «приморским людям» (як. *байбал киһи*), которым были свойственны весьма причудливая внешность и способность к волшебству. «Схватíš его, напри́мерь, руко́ю, а тамъ... пустое место, человекъ исчезъ, – говорится в записях В. Л. Серошевского, сделанных в Колымском округе в 1883 г. – Или есть среди нихъ люди, которыя могутъ расколоться надвое, прѣдеть оди́нь, а окажется ихъ двое... Эти чудовища отлѣчно ныряють и плавають по морю» [18, с. 73].

В рассказах более позднего периода якутский *чучуна* приобретает вполне реальные антропоморфные черты, хотя остается по образу жизни и нраву все еще «диким». Об этом свидетельствует статья С. П-ва «Чучуна», опубликованная в газете «Автономная Якутия» от 26 апреля 1929 г. с подзаголовком «к сведению Якутской экспедиции Академии Наук СССР». В открытом доступе существуют различные версии этой статьи, что побудило нас опубликовать её в качестве первоисточника, сохранив при этом авторский стиль и орфографию:

«Еще при царизме в Верхоянском, Колымском и Якутском округах было слышно, что на далеком Севере находится никому не ведомый народ – чучуна. Никто этим слухам, упорно циркулирующим до сих пор значения не придавал и не придает. Многие говорят, что рассказы о чучуна – просто выдумки. С этим нельзя согласиться и вот почему. В Верхоянском округе, в г. Верхоянске и его окрестностях расспросите местных жителей о чучуна и вам расскажут многое. Верхоянцы знают, что чучуна – не Фантазия. Есть и очевидцы.

Чучуна часто появлялись до революции. Излюбленное ими место Бутантайский наслег Верхоянского улуса (в сторону Жиганска) где их видели и даже убивали (по многим сообщениям). Появлялись по 2–3 человека рано весной и уходили неизвестно куда (говорят – к чукчам) поздней осенью. Чучуна – высокого роста, крепкого телосложения, одет в звериные шкуры, имеет очень длинные волосы, развевающиеся при беге, вооружен луком со стрелами, сторонится местных жителей, иногда забирается в погреба за съедобным, бегают очень быстро (быстрее лошади).

За чучуна при царизме и во время военного коммунизма пробовали “охотиться”. 2–3 чучуна в разное время удалось убить из бердан[ки]. Трупы закопаны и “охотники” упорно скрывают

это, боясь преследования за убийство. В 1926 и 1927 гг. было в Бутантайском наслеге [убито?] 2 чучуна (по одному в год). Последних сведений нет. Население полагает, что чучуна приходят из Чукотского района и туда же уходят...

В начале 1928 г. Секретарь Верхоянского окрком ВКП(б) т. А. Новгородов² в своем отчете в Як. обком ВКП(б) упомянул, что рассказы о чучуна не легенды, а действительность. По его же сообщению тунгус Шадрин (коммунист) специально проверил сообщения о чучуна и целиком подтвердил. Подтвердят несколько верхоянцев и теперь. Население чучуна не интересуется и говорит "пусть ходит".

В 1928 г. Комиссия ВЦИК и ЦК ВКП(б) по якутским делам заинтересовалась данными о чучуна. Один верхоянец взялся за проверку сведений о чучуна. Результат нам неизвестен. Член комиссии ВЦИК и ЦК ВКП(б) т. Асаткин (Владимирский) А. И.³ летом 1928 г. в Москве удивился, почему никто не заинтересовался чучуна в Якутии. В 1927 г. чукотский делегат, прибывший на съезд туземных народностей, сообщил, что чукчи осведомлены о чучуна. Не подлежит сомнению, что все сообщения о чучуна – не выдумка. В 1926 г. на горном Памире одна научная экспедиция обнаружила деревню (с жителями), в течение многих веков не соприкасавшуюся с нашим миром и существовавшую обособленно от нас. Что мудреного если кто-нибудь обнаружит неведомый нам народ – чучуна?

Якутская экспедиция Академии наук, располагающая средствами, обязана до мельчайших деталей проверить существование чучуна⁴.

По всей вероятности, публикация появилась как отклик на совместный доклад геолога, работавшего долгое время в Якутии, профессора П. Л. Драверта и студента-якута Сибирского Института сельского хозяйства и лесоводства Д.И. Тимофеева «Люди-мулены и чучуна по сказаниям тунгусов и якутов», прозвучавшего 9 марта 1929 г. на заседании Комиссии по выявлению и изучению памятников природы и старины при Западносибирском отделе географического общества. Заслушав сообщение, комиссия постановила «1) Обратить внимание исследовательского общества «Саха Кескиле» в Якутске на желательность сбора и проверки сведений о муленах и чучуна; 2) Снести по данному вопросу также с Якутской секцией Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества» [19].

Более подробную версию своего сообщения П. Л. Драверт изложил в статье «Дикие люди мулены и чучуна», опубликованной в 1933 г. в краеведческом журнале «Будущая Сибирь». В основе публикации легли рассказы, записанные в 1920-х гг. Д. И. Тимофеевым⁵ у своих земляков – жителей наслегов Восточно-Кангаласского и Баягантайского улусов, работавших до революции в перевозе грузов по Аянскому и Охотскому трактам, а также по верхоянским и усть-янским дорогам. Подытоживая свое исследование, автор заключил, что в области Джугджура (часть Станового хребта) и на севере бывшего Верхоянского округа обитают неизвестного племени люди, которые находятся на «весьма низшей ступени культурного развития». Помимо некоторых особенностей они отличаются сильно развитым волосным покровом; не владеют «членораздельной речью», а может их язык просто непонятен туземцам; ведут бродячий образ жизни, свойственный первобытным охотникам; передвижения совершают в одиночку или мелкими группами, придерживаясь малонаселенных или пустынных мест; прирученных

² Новгородов А. И. (1902–1983) – советский партийный работник и учёный, д. и. н., профессор. В 1926–1930 гг. – секретарь Верхоянского, затем Алданского окружкомов ВКП(б).

³ Асаткин-Владимирский А. Н. (1885–1937) – революционер, советский военный и хозяйственный деятель. В 1925–1928 гг. член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), председатель правления Всесоюзного сельскохозяйственного банка.

⁴ Чучуна // Автономная Якутия. – 1929 г. – 26 апреля.

⁵ Тимофеев Д. И. (1903–1939) – уроженец Нерюктяйского наслегу Западно-Хангаласского улуса Якутии. В 1930 г. окончил агрономический факультет Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства в г. Омске. Работал в Якутске заведующим отделом сельского хозяйства СНК ЯАССР. Один из основателей Покровской селекционной станции. Защитил диссертацию в виде научного доклада на соискание степени кандидата сельскохозяйственных наук. Принимал активное участие в организации и становлении колхозов в республике.

животных, даже собаки не имеют; им известно употребление огня; в качестве оружия используют лук со стрелами и копье. Они нападают на отдельных охотников при случае опасности или же с целью завладеть их одеждой и снаряжением. При этом имеют привычку стрелять без перерыва, пока не кончатся стрелы (их около 100 с перьями), которые носят на плече в колчане.

Автор призвал спасти древнейшие человеческие существа Северной Азии, взять их «подобно всем гражданам Союза» под охрану советского закона и организовать планомерное их изучение, начав с повсеместного сбора материалов силами местных краеведческих обществ и кружков, а затем обратиться в Якутскую экспедицию АН СССР с предложением выделить отдельный отряд, который на основе собранных материалов занялся бы «выяснением этого вопроса»⁶.

В этом же номере была опубликована рецензия якутского этнографа Г. В. Ксенофонтова, который оценил рассказы о диких людях «как пережиток древних верований туземцев Севера, перешедших в настоящее время в область народного фольклора». По его мнению, *мээлкээн* (по Драверту мулен) «это то же, что и злой дух (*абаасы*), но с просьбой о даровании удачи в промысле к нему не обращаются..., а убийство этих духов тунгусами нужно отнести к разряду обычных «охотничьих рассказов»». Вместе с тем он отметил, что рецензируемая статья «представляет большой научный интерес», так как дополняет новыми сведениями материалы по верованиям и фольклору якутов и тунгусов⁷.

По данным П. Л. Драверта, якуты ужасно боятся *мулена*, называют его духом-хояином *иччи* перевала Джугджур и приносят ему подарки, а тунгусы его признают «диким человеком» и при случае убивают.

Известный якутский диалектолог П. П. Барашков в 1957 г. в Аллаиховском районе записал рассказ 91-летнего якута И. Д. Жиркова о его столкновении с *чучуна*. «Это было весной в горной местности Таалалаах Көлүйэ. Мне тогда было лет 25–26 (примерно в 1891 г. – Р. Б.). Чучуна первым напал на меня, метнув из-за кустов копье с длинным кожаным ремнем, который я сразу же перерезал ножом. Притянув к себе остаток ремня, он высунулся, видимо, чтобы разобраться в чем дело. Я тут же выстрелил в него почти в упор и убил наповал. Чучуна был высокого роста, волосатый, лицо черное, то ли по рождению, то ли из-за многолетнего пота, шапки не было, а одежда похожа на клеенку. Старики рассказывали, что их одежда не промокает в воде и они через любой водоем, будь то река или озеро, переправляются вплавь, глубоко ныряя. При нем был простой лук и копье из тонкой березы, привязанное кожаным ремнем к руке. Сильно испугавшись, я прибежал домой, потом полтора года сильно болел. Перестал кушать, ходил в забытии, родители боялись, что сойду с ума. Раньше чучуна было много, но с приходом новой власти полностью исчезли» [20].

По записям А. А. Саввина, сделанным во время Северной экспедиции в 1940 г. в том же Аллаиховском районе, местные юкагиры считали, что *чучуна*, *кучуна* – дух моря – *байбал иччитэ*. Он ростом с человека, худого телосложения, с черным лицом, покрытым волосами. Носит одежду из рыбьей кожи с шерстью (нерпы? – Р. Б.) типа кухлянки. Вооружен «худым» луком *чаачар саа* и копьем, носит за спиной колчан с 8–9 стрелами с костяными наконечниками. *Кучуна* летом обитает в прибрежной тундре. Он не умеет говорить, только тявкает подобно песцу и издает пронзительный свист. Говорят, кто посмотрит на *кучуну* – ума лишится или умрет в скором времени. Поэтому, когда обнаруживают следы его присутствия, приглашают шамана, чтобы он выпроводил его обратно в море. Однажды юкагиры отправили свою дочь пригнать оленей. Через год тело ее нашли на берегу моря. *Кучуна* соорудил из трех жердей остов вроде чума. Дух порвал тело девушки на две части. Верхнюю половину усадил внутри остова лицом к морю, вероятно, поднося жертвоприношение морю [21].

⁶ Драверт П. Л. Дикие люди мулены и чучуна // Будущая Сибирь. – 1933. – № 6. – С. 43.

⁷ Ксенофонтов Г. В. По поводу статьи проф. Драверта // Будущая Сибирь. – 1933. – № 6. – С. 44–45.

В эту группу текстов уместно включить рассказы о *чукчах-чучуна*. В рассказе «Дьиикэй киһи туһунан (букв. Про дикого человека)», записанном со слов М. Ф. Лебедева – 81-летнего жителя Быягынского наслега, говорится о старике Хабырылла, убившего до революции «много» *чучуна* в горах, где водились снежные бараны *чубуку*. «Обычно их видели летом с июля по сентябрь. Хотя он двуногий, бегают на четвереньках. Очень быстро бегают, даже когда просто шагом идет, и то собака не может догонять». Однажды Хабырылла разом убил четверых *чучуна*, а пятый скрылся. Через несколько лет он с земляками оказался в гостях у известного чукотского князца Араарап¹⁶. Во время застолья к нему подошел один чукча и предложить выпить за встречу. А Хабырылла его впервые видит. И тогда чукча сказал, что он тот самый пятый из *чучуна*, которых Хабырылла-то и поубивал. По словам чукчи, которого звали Ньылбыл, он с 13-ти лет ушел «повидать мир». Был в Булуна, на Оймяконье и т. д. После того случая он два года следил за Хабырылла, однако отомстить так и не удалось. Их звали *сир чукчалара* (букв. земные, т. е. оседлые чукчи) [22].

В рассказе «О похищении женщин чукчами», записанном в Чокурдахе Аллаиховского района говорится, что родную сестру матери информанта похитил «земной плут чукча» (якут. *сир албына чукча*). Спустя 5–6 лет, однажды летом в дом ее родителей зашел «шитолицый» человек, обвязанный с ног до головы кожаным ремнем. Старик-хозяин схватился за пальму *батыйа*, тогда человек показал ему женскую вышитую сумочку, по которой и узнал, что вернулась дочь. Оказалось, что ее украл беглый одичавший чукча. Лицо ее он прошил ниткой из оленьего сухожилия, вместо прохуdivшей одежды тело целиком обвязал ремнем из сырой шкуры. Зимой они живут в землянке, а летом бродят по окрестностям. Женщина пришла со своим ребенком. Через некоторое время они ушли, и больше их не видели [23].

В представленных текстах прослеживается эволюция образа *чучуна*: от «полулюдей-полуживотных», вызывающих первобытный страх, до периферийных «худых духов», затем к «дикиим людям», на которых иногда охотятся, и наконец, к похищавшим женщин *чукчам-чучуна*.

«**Чужие**». В 1925 г. во время этнографической поездки к «полярным якутам» Г. В. Ксенофоновым был собран целый цикл легенд и преданий о волосатых и бородатых обитателях побережья и островов северных морей. В них рассказывается об охотнике (варианты: якут, тунгус, долган, казак, промышленник), объезжавшем песцовые пасти, который, придя в свое зимовье, застаёт бородатого человека громадного роста с волосатым лицом, жарящим на огне целую ногу оленя. Несмотря на предупреждение великана, уехавшего по льду в открытое море, охотник, тайком следуя за ним, прибывает в поселение, состоящее из нескольких жилищ. Войдя в крайний дом, он замечает в сенях развешанную меховую одежду. Обитатели дома, лежа в постелях, слушают песню, подбадривая певца якутским возгласом «ноо!». Охотник, заглянув за полог, обнаруживает белолицую женщину, тело которой сплошь покрыто волосами. Из разговора с ней он узнает, что пришел к «волосатому народу». Интерес представляют и примечания информаторов. Один из них упоминает имя барона Толля, который якобы погиб во время поисков этого таинственного народа. Другой добавляет, что когда будет найден бородатый народ, то должно быть с ним великое сражение [4, с. 288–291]. Этот сюжет имеет свое развитие в предании, зафиксированном А. П. Окладниковым на Нижней Лене. В Туматском наслеге местные рассказывали, что лет семьдесят тому назад, т. е. в середине XIX в., выстрелом с острова был убит капитан корабля, предположительно американского. После этого русские построили здание для охранного поста от возможного нападения дикого островного племени [5, с. 100]⁹.

Среди фольклорных текстов этого цикла особняком стоит бытовавшая среди оленёкских эвенков легенда о племени крошечных инородцев *кырбас омок* (як. *кырбас* – кусочек, кроха,

⁸ «Далеко на востоке жил богатый чукча Араарап. Он будто бы рассказывал, что вдвоем с одним товарищем, превратившись в чучуна, ходил по речке Джаардаан (падает в Лену с восточной стороны ниже Жиганска)» [4, с. 293].

⁹ Речь, видимо, идет об Усть-Ленской полярной станции Сагастыр, построенной под эгидой РГО в 1882 г. возле эвенкийского поселения Тумат.

омук – инородец) из Ледяной горной страны, расположенной посреди Ледовитого океана. Эти люди были настолько малы ростом, что из шкуры белки шили одну шубу, песка – три, волка – пять, белого медведя – десять. Это было многолюдное племя, во главе которого стоял мудрый вождь. Они ездили на собачьих упряжках, жили в домах из снега и льда, охотились на тюленей, белых медведей и белугу. Однажды вождь собрал свой народ и поведал, что под вечным льдом слышится какой-то гул, сопровождаемый дрожанием морского дна, и предложил перебраться на материковую землю. «За Ледовитым морем находится земля-материк, покрытая деревьями и реками. Перебегите туда, мы старики остаемся здесь, – сказал он. – Там вы встретите сначала волосатых людей ростом в 3 аршина, затем *чучуна* со ртом на плечах, затем воинственный шитолицкий народ *дырикинэй*. Вас ждет долгая и трудная дорога, останутся в живых лишь единицы. Но иного выхода нет». Как только люди покинули остров, гора изверглась со страшным грохотом, до небес поднялся столб огня, и все разрушилось. От оставшихся в живых крошечных людей произошли малорослые тунгусы [24, с. 92–93].

Подобного рода предания были распространены и у кобайских якутов, проживающих рядом с Эвено-Бытантайским улусом. Старый охотник Дмитрий Сметанин слышал от отца и деда рассказы о том, что в горной местности Таас Тумус, что в 40 км от с. Куокуй, живут маленькие люди ростом с белку (*тиин саба дьон*). Живут под камнями в многочисленных норах. Иногда они выходят собирать орехи. Разговаривают они на своем языке, однако каким-то образом улавливается смысл их разговора. «Торопитесь, если люди заприметят нас, то не дадут спокойно жить. Мы не должны попадаться им в глаза, мы из иной (як. *тусна*) страны», – говорят они [25, с. 433].

В фольклоре центральных якутов эта группа преданий представлена единственным рассказом, записанным С. И. Боло в 1934 г. в Усть-Алданском районе. В нем повествуется о племени *сахалар*, жившем на Лене до прихода первопредков якутов Омогой Бая и Элэй Ботура. Они якобы отличались продолговатыми головами и «худыми бедрами без ляжек», занимались охотой на диких оленей и лосей и рыбной ловлей, в еде были неразборчивы, не брезговали даже насекомыми и личинками (*араас куһаган үөнү*). Они были настолько древними, что откуда они пришли, как долго жили на Лене, куда потом подевались, остались ли от них потомки, воевали ли с тунгусами или якутами – ничего не неизвестно [26, с. 22].

«Другие». По преданиям якутов, на территории Борогонского (ныне Усть-Алданского) и Мегинского улусов до прибытия якутов жили племена *хара сагыл* – «ставшие ветром» или «развеянные ветром» (якут. *тыал буолбуттар*). Жили они изолированно, якуты боялись их колдунов и шаманов, которые были намного могущественнее якутских. Во времена междоусобных сражений таттинские кыргыс-воины решили избавиться от опасных соседей. Обстреляв снаружи юрту-балаган, где укрылись *хара сагылы*, войдя, они никого не обнаружили. Посчитав, что враги превратились силой своего колдовства в вещи домашнего обихода, они дотла сожгли дом, а пепел развеяли. Чудом спасшийся младший сын *хара сагылов* ушел в сторону Охотского моря. Однако вскоре вернулся и от него остался сын – «страшный шаман-губитель», умерший в 1880-х гг. [26, с. 20–21].

К приморским «другим» людям относились инородные племена *омук*. Верхоянские якуты, например, к ним относили эвенов и эвенков, а аллаиховские же якуты – чукчей [11, с. 75]. Среди *омук* попадались люди со странными повадками. В 1908 г. П. В. Слепцов записал рассказ о тунгусе, откочевавшем на запад и встретившем людей *омук*, вполне нормальных с виду. Он женил своего сына, и они увезли молодую с собой. На прощание тесть сказал зятю, чтобы он не вздумал навещать их зимой. Молодой человек удивился, но подстрекаемый любопытством, как только наступила зима, ничего не сказал жене и поехал к тестю. Подъезжая заметил, что снег возле дома не утопан, никто по нему не ходил. Влетев в дом, увидел, что все домашние сидели с поникшей головой, скрестив ноги, а из носа свешивались ледяные сосульки, примерзшие к полу. Испугавшись, зять разбил у тестя сосульку и тот молча упал. Вернувшись домой,

он рассказал обо всем жене. Она заплакала и сказала, что он убил ее отца. «Вот какие странные люди бывали, говорят далеко на Севере. Они зимою, когда из носа опускались вниз сосульки, умирали, весною же, когда льдинки оттаивали, воскресали» [27, с. 114].

По преданию, записанному С. И. Боло в 1942 г. в Жиганском районе, в древности на Нижней Лене жил лесной народ *сортолы* (як. *соруол*). Жили они в тайге у озер, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Дома их имели вид якутского балагана, в которых не было ни труб для камельков, ни окон. «Недогадливые и темные» *сортолы*, чтобы осветить свои жилища, будто бы собирали солнечный свет в кожаные сумы и вносили в дом, а темноту так же собирали в суму, завязывали и выбрасывали из домов. По другой версии, *сортолы* жили вместе целыми родами, во главе которых стояли военные вожди – *кылыс-хосун*¹⁰. Они одевались в белые одежды из горностая, носили косы, спускавшиеся до самых колен. *Хосуны* имели до девяти жен, добывая их у соседних племен во время войн. После победы над врагами нагромождали их трупы кучами и сжигали [6, с. 339–340].

По преданиям кобяйских якутов, *сортолы* жили в таежной глуши в землянках. Их потомком являлся древний шаман Соруол ойуун, который славился колдовством. Он охотился на летящих гусей и лебедей с помощью кисета на длинном ремне. Он кисет свой бросал в летящую стаю, ремень обвивался вокруг шеи птицы, и она падала на землю [25, с. 301].

Среди фольклорных текстов этого цикла обширным ареалом выделяются распространенные у центральных, вилюйских и северных якутов легенды о *туматах*. «Туматцы были многочисленны; какого они племени и происхождения, неизвестно, – говорится в предании, записанном у центральных якутов. Люди западной тайги – вилюйские якуты, говорят, в старину сильно и постоянно воевали с туматским племенем. Поэтому по преданиям выходит, что туматцы были особым племенем или народом (*туспа омук*)» [27, с. 103]. Кобяйские якуты полагали, что *туматы-дьирикинэй* имели родственную связь с *майаатами* (нганасанами) [25, с. 181].

Туматы не держали скот, существовали за счет рыболовства, охоты и сбора сосновой заболони. Жили в укрытых дерном полуземлянках *холомо*, носили одежду из звериных шкур. Из-за наличия цветных швов на одежде якуты называли их племенем *дьирикинэй* (якут. *дьирики* – бурундук), а из-за обычая татуировать лицо – «тигиилээх сырайдаах» (с прошитыми лицами). «Народ этот занимался людоедством» – поедали мясо убитых врагов и военнопленных. У них существовал своеобразный обычай гостеприимного каннибализма: «для дорогих гостей» они откармливали дочерей. Для заклятия «своих лучших девиц» *туматы* применяли «особые топоры и ножи не из железа» [6, с. 339].

«Как-будто, – говорят сказители, – в те века были также и тунгусы, например, *сологоны*, разводившие оленей и кочевавшие с ними по Вилюю... Позднее, когда на Вилюй пришли якуты и размножились там, *туматы* спустились вниз по Вилюю на Лену, а затем ушли вниз по Лене до моря, где и положили начало морским туматам» [27, с. 284].

Племена, «ставшие ветром»: аутентификация и локализация

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что в традиционном обществе коллективное сознание оставалось глубоко мифологизированным и воспринимало аборигенные племена как обитателей иных миров. Е. М. Мелетинский отмечает, что в якутском эпосе олонхо «в весьма сложных образах» богатырей-иноплеменников «безусловно переплелись (или, вернее, еще недостаточно дифференцированы) представления о стихийных силах природы и о чужих племенах, с которыми якуты сталкивались и воевали при своем продвижении» [28, с. 275].

Анализ сюжетов показывает, что архаичные представления о *чучуна* «полулюдях-полуживотных» (безголовые, с одной рукой и ногой и т. п.) из первой группы легенд и рассказов в районах Крайнего Севера близки к распространенным мотивам асимметрии демонических персонажей и хтонических духов в фольклоре. Им приписываются зооморфные признаки и следы

¹⁰ *Кылыс* – клинковое оружие типа палаша; *хосун* (як. *хоһуун*) – витязь, герой, богатырь [4, с. 314].

первобытного состояния – волосатость, нагота, невлаждение человеческой речью, умение быстро бегать на четвереньках, неприязнительность и небрежливость в еде, обитание в земляных норах или пещерах, способность к природному колдовству. По всей вероятности, последнее свойство породило представление о «худых» духах *кучуна* и *мулен/мюлен*. В отличие от «поклоняемых» духов, например, духа морских островов, объезжающего свои владения на собачьей упряжке и любителя поиграть в карты с промышленниками [11, с. 75–76], *кучуна* и *мулен* – это локальные духи, привязанные к определенной местности, избегающие контакта с людьми, что исключает необходимость ритуального общения с ними.

Название *мулен* в якутских фольклорных текстах почти не встречается, хотя, по И. С. Гурвичу, в верховяньских наслеггах «были распространены рассказы о *мюленах*, *бюлюнах* (врагах) [28, с. 59]. Похожие слова *мүлүн* (от эвен. *миэлэн* – мстить) в обозначении «нечистого духа» зафиксированы Е. И. Коркиной у индигирских якутов, а Г. В. Ксенофоновым *мээлкээн* – у верховяньских. А. Е. Аникин – автор специальной статьи, посвященной якутским названиям диких людей, слово это связывает со старорусским *молен* ‘дикий человек’ [10, с. 215]. В этой связи следует отметить, что некоторые черты фантастической внешности древних людоедов из якутского фольклора неслучайно совпадают с описанием самоедов из сочинения «О человецех незнаемых в восточной стране и о языцех розных», датируемого XV в. В нем, в частности, говорится: «аки человеци, но без голов; рты у них меж плечима, а очи в грудех; иная самоедь такова: как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз» [29, с. 4–5].

На последующих этапах освоения персонажи из первой подгруппы претерпевают существенное изменение: образы чудовищ приобретают вполне антропоморфные черты, они пользуются огнем, снаряжены луком и стрелами, которые до ста штук носят в колчане на плече, что предполагает активную охоту на животных. По мнению исследователей, одной из основных форм преодоления «демонизации» является избавление от внешних признаков зверя, переход к человеческой еде, наличие человеческой одежды и изготовление орудий труда. В качестве примера вслед за С. Ю. Неклюдовым можно привести героя-иноплеменника Мас Батыйа из олонхо, который жил в снежном домике, не употреблял якутской пищи, не одевался в якутские одежды, не обзаводился семьей, не занимался даже охотой. «Настоящим человеком» (*дьин саха*) становится лишь после того, как начинает есть молочную пищу, овладевает якутским языком и якутскими обычаями [30, с. 132; 31, с. 255–256].

На этом этапе коренным образом меняется и форма контактов. «По рассказу местных жителей, когда чочуна бывает где-либо, дичи, дикого оленя и песцов тогда не бывает. Ведь он чочуна – охотник. Местные охотники поэтому с ним встречаются боем, обязательно его стреляют» [5, с. 100].

По определению Э. К. Пекарского, якут. *чучунаа* – «дикий человек или одичавший беглец» [32, стлб. 3701]. И. А. Худяков, подчеркивая широкое распространение слухов о диких людях среди верховяньцев, отмечает, что «воры, конечно, пользуются этим слухом в свою пользу» [17, с. 81]. Прежде всего речь идет о *чукчах-чучуна*. По мнению И. С. Гурвича, *чучуна* – это потерпевшие бедствие морские зверобои – чукчи и эскимосы, которых, считая умершими, не пускали к себе в стойбища [8, с. 82–88]. По нашим материалам, *чукчи-чучуна* – это странствующие молодые люди, обуянные желанием «повидать мир». В. Г. Богораз писал, что среди чукчей были группы так называемых «скитальцев», которые «влекомые жаждой увидеть далекие страны, покидают свою родину и уходят в заманчивую даль». В основном это были молодые люди. Оленные часто ходили небольшими группами пешком, а приморские летом – в челноке, а зимой пешком, как и эскимосы [33, с. 152–156, 160]. К якутам под видом *чучуна* приходили, видимо, как оседлые, так и приморские чукчи. В преданиях говорится о непромокаемой, похожей на клеенку их одежде. Поверх основного костюма приморские чукчи надевали *камлейку* – глухую рубаху с капюшоном, сшитую из кишок и горловой ткани моржа, нерпы, сивуча, кита или же рыбьего пузыря. Только в противоположность чучуна, этнографические чукчи и эскимосы не умели плавать.

«Чужие» племена в отличие от «диких», хотя и обладают необычным ростом и внешностью, уже «вполне» реальные люди. Они умеют разговаривать, занимаются охотой и рыболовством, волосатые великаны собирают мамонтовую кость, имеют жилища и одежду, готовят пищу на огне, живут семьями внутри племени. Взаимоотношения с пришельцами разные – от агрессивного (волосатые великаны) до инертно-пассивного (люди малого роста). Их пространственная удаленность от сакрального центра подчеркивается островной изоляцией, так же, как и чукотских великанов, приходящих из-за моря [34, с. 18, 19].

О происхождении и сущности легенд из этой группы преданий высказывалось немало гипотез. По мнению Г.В. Ксенофонтова, легенда о волосатых людях, вероятно, была занесена в высокие широты либо оленными тунгусскими родами, вышедшими с Амура, либо казаками, которые в своих походах на Охотское море встречали бородатых айнов в южной части Сахалина [3, с. 388–390]. В мифах народов Приамурья духи-хозяева воды изображались в виде седоволосых людей с длинными бородами и волосами, которым во время праздника «кормления воды» приносили жертвы. А «рыбьекожие» нивхи, живущие на морском побережье, и ороки Сахалина ставили у самого берега моря наклонно друг к другу прутья, на концах которых вырезали стилизованные изображения мужских и женских лиц [35, с. 77]. Описываемый ритуал мог быть одним из сюжетообразующих мотивов предания о *кучуне*, приносящем похищенную им девушку в жертву морю.

В варианте легенды, записанном Б. О. Долгих, охотник видит в сених жилища бородатых людей, «сложенные как поленница дров клыки мамонта», что скорее присуще русским старожилам, промышлявшим сбором мамонтовой кости. А. П. Окладников, частично соглашаясь с ним, отмечает, что на этот «мифологический комплекс наслоились элементы различного происхождения, в т. ч. реальные черты из быта приморских оседлых зверобоев Арктики...» [36, с. 151–152]. Тем более что в древнерусской рукописи «О человецех незнаемых» рассказывается об «иной Самоеди», где «по пупь люди мохнаты до долу, а оть пупа вверхъ – какъ и прочіи челоуци» [29, с. 4].

Определенный интерес представляет рассказ о маленьких человечках *кырбас дьон* из фольклора оленёкских эвенков и кобьайских якутов. С одной стороны, жилище из снега и льда, охота на тюленей и белуг указывает на быт северо-восточных палеоазиатов, что подкрепляется описанием извержения ледяной горы подобно вулкану. С другой – среди эвенкийских мифов первотворения, выделяется *улгур* о происхождении эвенков, записанный в Амурской области. В нем повествуется о том, что «на небе Буга люди жили: шкурку белки ободрав, прямо так целиком на себя надевали как шубу... От них эвенки пошли» [37, с. 92]. В то же время в верховьях Нижней Тунгуски в дотунгусское время обитали дикие аборигены *чури* (эвенк. карлик). Их еще называли *чулирэ*, *чулурэ-сэлэргун* (эвенк. *сэлэ* – металл, железо) [38, с. 169]. Данный сюжет соотносится с преданиями ненцев о малорослом народе *сихиртя*, *сиртя*, который жил в пещерах гор и занимался металлургией [39].

Со временем, когда между исконным и пришлым населением установились достаточно адекватные отношения, меняются и взаимные оценочные характеристики. Это не «дикие» «полулюди-полуживотные» и не «чужие» по облику и нравам племена, а «другие» люди, которые отличаются от «своих» в основном по образу и циклу жизни. К ним относятся племена, засыпающие на зиму. В фольклоре Русского Устья говорится о *чандалах*, которые «жили только летом, на зиму засыпали. Во время спячки у них текут сопли, до земли дотекают и замерзают. У которого изломается, этот человек умирает» [40, с. 217]. В упомянутом выше древнерусском сказании «О человецех незнаемых» говорится, что где-то за Обью на восток есть страна «*молгонзиев*» – засыпающих на зиму. Исследователи связывают этот регион с Мангазеей, допуская, что часть предков русскоустыинцев вероятно шла на Север через это древнерусское полярное поселение [40, с. 60].

Интерпретируя предание о племени *сахалар*, А. П. Окладников и И. В. Константинов полагают, что, несмотря на совпадение его названия с самоназванием якутов – «саха, сахалар», ничего общего в их этногенезе нет [6, с. 339; 9, с. 57]. Хотя некоторый интерес представляют их «худые бедра без ляжек» и может быть упомянуты неслучайно – в тазобедренной кости, согласно шаманским представлениям монгольских народов, размещается «дурная» душа человека, которая после его смерти становится бесприютным духом – *чутгуром* [31, с. 234]. Может вкупе с названием племени это является той нитью, что связывает легендарных сахалар с древним миром степных кочевников. Кстати, Г. В. Ксенофонтов в рецензии к статье П. Л. Драверта пишет, что, хотя представления о *чучуна* характерны для северных якутов, занесены в приполярье они могли быть якутами-скотоводами. В якутском языке есть слово *чуучус* – привидение, которое «находится в лингвистическом родстве названием *чучуна*»¹¹. Относительно их «продолговатых голов» можно отметить, что по краниологическим материалам неолитических погребений Туой-Хайа на Вилюе и Диринг-Юрэх на средней Лене, антропологический тип современных якутов, вероятно, сложился в результате смешения пришлых центральноазиатских групп с племенами местных арктических палеоазиатов и прасамодийцев [12, с. 122].

К «другим» племенам относятся *хара сагылы*, овечьи чарами колдовства и шаманства. Похожие рассказы были распространены в приполярных Верхоянском и Булуновском районах и согласно им *хара дьукаагырдар* (черные юкагиры) произошли от людей племени *хара сагыл*, впоследствии перекочевавшим из лесистых мест в тундру [27, с. 282].

А. П. Окладников считает, что *туматы* принадлежали к тунгусским племенам или отунгусившимся юкагирам [6, с. 339]. В то же время есть все основания предполагать, что в этих преданиях отразились представления о древних *дубо-туматах*, среди потомков которых оказались как тюркоязычные, так и монголоязычные этнические группы [12, с. 120]. В ясачных книгах XVII в. туматские якуты были отмечены в числе плательщиков ясака в Средневилюйском зимовье, а также в центральноякутских волостях [41, с. 355, 373, 464].

«Недогадливые и темные» *сортолы* также представляются вполне реальной исторической общностью. Во всероссийской переписи 1897 г. сортольский род зафиксирован на Вилюе. А. П. Окладников соотносит их с поселениями «*сортол этёх*», исследованными им в низовьях Вилюя и на Нижней Лене вблизи Сангар-хая и определяет как северный вариант культуры «малых домов», уходящей своими корнями в местную бронзовую и неолитическую культуру. По материалам раскопок, это были бродячие охотники и рыболовы, хозяйство и быт которых, сохранили следы «еще очень крепкого первобытно-родового уклада» [6, с. 347–351]. Автор раскопок поселений склонен был связывать *сортолов* с предками долган, позднее выселившимся на северо-запад, в бассейны Попигая и Хатанги. Одним из традиционных жилищ долган было *холомо*, представлявшее собой пирамидальный или конусовидный остов из тонких брёвен, покрытых дерном. Окон порой не делали, и в таком случае пользовались светом дымового отверстия, что, по всей вероятности, усиливало их «инаковость» в глазах якутов. В то же время легендарные *кылыс-хосуны*, одетые во всё белое, не совсем укладываются в образ «тёмных» *сортолов*. Воинственность, многоженство, трупосожжение характерны для культуры чукчей. На северо-востоке Азии наиболее древние свидетельства ритуала кремации найдены на территории Чукотки в Усть-Бельском могильнике (конец II – начало I тыс. до н.э.) [42, с. 148, 160]. В чукотско-корякской оленеводческой культуре практика сожжения умерших не прерывалась многие столетия вплоть до этнографической современности [43]. Примечателен и кобяйский вариант предания, где шаман Сортуол охотится на птиц с помощью ремня, что похоже на охотничье приспособление из связанных ремней – «бола», которое применялось эскимосами и оседлыми чукчами для охоты на летящих птиц [44, с. 105–107]. По мнению археологов, это оружие имеет эскимосское происхождение и использовалось еще в первой половине I тыс. [42, с. 190].

¹¹ Драверт П. Л. Дикие люди мулены и чучуна // Будущая Сибирь. – 1933. – № 6. – С. 43.

В свое время Е. М. Мелетинский отметил, что в процессе освоения Севера якуты-скотоводы, в отличие от саяно-алтайских народов, оказались в окружении чуждых по языку и культуре тунгусских и палеоазиатских народностей – охотников и рыболовов – которые в представлении якутов легко приобретали мифологические черты [28, с. 318]. Фольклорные тексты якутов об «иных» племенах содержат в себе разновременные, в том числе глубоко архаичные, пласты мифологических представлений и народных знаний, присущих как якутам, так и тунгусо-маньчжурским, самодийским, палеоазиатским, тюрко-монгольским народам, а также русским старожилам Севера.

Заключение

Легенды и предания о древних автохтонных племенах Якутии в соответствии с этапами заселения и освоения ее территории можно условно разделить на три группы, в которых представлены следующие племена: 1) «дикие» (*чучуна*, *мулен*); 2) «чужие» (волосатые великаны, крошечные инородцы *омук*, длинноголовые *сахалар*); 3) «другие» (*хара сагылы*, иноплеменники, засыпающие зимой, *туматы-дьирикинэй*, *сортолы* и др.). По степени проявления «инаковости» *чучуна* и *мулен*, по своей антропоморфности, географической отчужденности и социальной изолированности располагаются на границе когнитивной картины мира. В отличие от них «чужие», хотя и имеют вполне антропоморфный вид, сохраняют некоторые анатомические аномалии как печать периферийного (островного) мира. «Другие», располагающиеся в одном географическом и контактном пространстве со «своими», отличаются сугубо этнокультурными особенностями.

Таким образом, любой этнокультурный ландшафт несет в себе следы исторического развития его древних обитателей, впитывая в себя региональные особенности мифологии и фольклора. Этнографические группы, существовавшие в Якутии во времена освоения ее территорий тюрко-монгольскими предками якутов, в значительной степени изменились – большинство из них исчезли, уступив место новым этническим образованиям.

Литература

1. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва : Наука, 1974. – 404 с.
2. Никифоров, В. М. Якутские народные предания: художественные особенности и историческое развитие жанра. – Новосибирск : Наука, 1994. – 120 с.
3. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. В 2 кн. Кн. 1. – Якутск : Бичик, 1992. – 416 с.
4. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. В 2 кн. Кн. 2. – Якутск : Бичик, 1992. – 317 с.
5. Окладников, А. П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены // Сборник МАЭ. Т. 11. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1949. – С. 73–109.
6. Окладников, А. П. История Якутской АССР. Т. 1: Якутия до присоединения к Русскому государству. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1955. – 432 с.
7. Николаев, С. И. К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1961. – С. 47–66.
8. Гурвич, И. С. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). – Москва : Мысль, 1975. – 96 с.
9. Константинов, И. В. Происхождение якутского народа и его культуры. 2-е издание, исправленное. – Якутск : Триада, 2003. – 92 с.
10. Аникин, А. Е. О якутских названиях «диких людей» // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. – Новосибирск : НИЦ «Сибирский хронограф», 1999. – С. 214–220.
11. Бравина, Р. И. Археология фольклора: древние обитатели Восточносибирской Арктики // Genezis: исторические исследования. – 2023. – № 8. – С. 73–82. – DOI : 10/25136/2409-868X.2023.8.39818.

12. Бравина, Р. И., Петров, Д. М. Племена, «ставшие ветром»: к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 2 (41). – С. 119–127. – DOI : 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127.
13. Тихонов, Д. Г., Захарова, А. Е., Неустроева, Т. С. Содержит ли якутский фольклор сведения о неандертальцах и денисовцах? // Историческая этнология. – 2018. – Т. 3. – № 1. – С. 14–28. – DOI: 10.22378/he.2018-3-1.14-28.
14. Готовцева, Л. М., Николаева, Т. Н., Прокопьева, А. К. Базовые бинарные концепты как фрагменты языковой картины мира якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – Вып. 3. – С. 21–30.
15. Большой толковый словарь якутского языка. В 15 т. Т. 1 / под общей редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 680 с.
16. Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы / под общей редакцией Е. Н. Романовой, Н. К. Даниловой. – Новосибирск : Наука, 2023. – 344 с.
17. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа. – Ленинград : Наука, 1969. – 439 с.
18. Серошевский, В. Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. Т. 2 : Материалы, варианты, заметки и сказки, оставшиеся от 1-го тома / составление, комментарии, примечания, текстологическая редакция А. Е. Захаровой. – Якутск : Алаас, 2022. – 320 с.
19. Выписка из протокола заседания Комиссии по выявлению и изучению памятников природы и старины при Западно-Сибирском Отделе Государственного Русского Географического Общества, состоявшегося 9 марта 1929 года // Национальный архив РС (Я). Ф. И-490. Оп. 1. Д. 68. Л. 294 об.
20. Дьийкэй киһи туһунан // Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 246. Л. 141–142. (На якутском яз.)
21. Чучунаа // Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 44. Л. 359–362. (На якутском яз.)
22. Дьийкэй киһи туһунан // Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 246. Л. 145–147. (На якутском яз.)
23. Сир албына чукча (Чукчалар дьахтары уоруулар) // Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 46. Л. 431. (На якутском яз.)
24. Анисимова, М. А. Оленек – по следам Юрэн Хосуна. В 2 кн. Кн. 2. – Якутск : Бичик, 2012. – 192 с. (На якутском яз.)
25. Кобяйский фольклор / ответственный редактор М. Т. Сатанар. – Якутск : Айар, 2022. – 760 с.
26. Боло, С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям бывшего Якутского округа. – Якутск : Бичик, 1994. – 320 с. (На якутском яз.)
27. Исторические предания и рассказы якутов. В 2 т. Т. 1. / под редакцией А. А. Попова. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1960. – 322 с.
28. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. 2-е издание, исправленное. – Москва : Восточная литература, 2004. – 462 с.
29. Титов, А. А. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях: С приложением снимка со старинной карты Сибири. – Москва : Г. Юдин, 1890. – 250 с.
30. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – Москва : Наука, 1980. – 374 с.
31. Неклюдов, С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. – Москва : Индрик, 2019. – 520 с.
32. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка. В 3 т. Т. 3. 2-е изд. – Москва : Издательство АН СССР, 1959. – стлб. 2509–3858.
33. Богораз, В. Г. Чукчи. В 2 ч. Ч. 1: Социальная организация / авторизованный перевод с английского; предисловие редактора Я. П. Алькор. – Ленинград : Издательство Института народов Севера ЦИК, 1934. – 191 с.
34. Богораз, В. Г. Чукчи. В 2 ч. Ч. 2: Религия / авторизованный перевод с английского; под редакцией Ю. П. Францова. – Ленинград : Издательство Главсевморпути, 1939. – 196 с.
35. Таксами, Ч. М. Общие черты в духовной культуре народов Приамурья и Сахалина // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Ленинград : Наука, 1984. – С. 74–83.
36. Окладников, А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. – Москва ; Ленинград : Издательство Главсевморпути, 1948. – 158 с.

37. Варламова, Г. Н. Эпические традиции в эвенкийском фольклоре: (очерки). – Якутск : Северовед, 1996. – 134 с.
38. Туголуков, В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. – Москва : Наука, 1980. – С. 152–176.
39. Хомич, Л. В. Ненецкие предания о сихиртя // Фольклор и этнография. – Ленинград : Наука, 1970. – С. 59–69.
40. Фольклор Русского Устья / ответственные редакторы и авторы предисловия С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. – Ленинград : Наука, 1986. – 382 с.
41. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVI в. – Москва : Издательство АН СССР, 1960. – 622 с.
42. Диков, Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: (Азия на стыке с Америкой в древности). – Москва : Наука, 1979. – 352 с.
43. Коломиец, О. П., Нувано, В. Н. Обряд кремации в современной погребальной практике чукчей-оленьеводов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 1 (56). – С. 171–181. – DOI : 10.20874/2071-0437-2022-56-1-14.
44. Нефёдкин, А. К. Военное дело чукчей (середина XVII–начало XX в.). – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2003. – 352 с.

References

1. Ergis, G. U. Essays on Yakut folklore. Moscow, Nauka Publ., 1974, 404 p. (In Rus.)
2. Nikiforov, V. M. Yakut folk legends: artistic features and historical development of the genre. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994, 120 p. (In Rus.)
3. Ksenofontov, G. V. Uraanghai-sakhalar: essays on the ancient history of the Yakuts. In 2 book. Book 1. Yakutsk, Bichik Publ., 1992, 416 p. (In Rus.)
4. Ksenofontov, G. V. Uraanghai-sakhalar: essays on the ancient history of the Yakuts. In 2 book. Book 2. Yakutsk, Bichik Publ., 1992, 317 p. (In Rus.)
5. Okladnikov, A. P. Historical stories and legends of the lower Lena. In: Collection of AEM. Vol. 11. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1949, pp. 73–109. (In Rus.)
6. Okladnikov, A. P. History of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Vol. 1: Yakutia before joining the Russian state. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1955, 432 p. (In Rus.)
7. Nikolaev, S. I. On the origin of Yakut legends about ancient cannibals. In: Collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia. Iss. 2, Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1961, pp. 47–66. (In Rus.)
8. Gurvich, I. S. Mysterious Chuchuna (the story of an ethnographic search). Moscow, Mysl' Publ., 1975, 96 p. (In Rus.)
9. Konstantinov, I. V. Origin of the Yakut people and their culture. 2nd edition, revised. Yakutsk, Triada Publ., 2003, 92 p. (In Rus.)
10. Anikin, A. E. About the Yakut names of “wild people”. In: Languages of the indigenous peoples of Siberia. Iss. 5. Novosibirsk, APC “Siberian Chronograph”, 1999, pp. 214–220. (In Rus.)
11. Bravina, R. I. Archaeology of folklore: ancient inhabitants of the East Siberian Arctic. *Genesis: historical research*. 2023, No. 8, pp. 73–82. DOI: 10/25136/2409-868X.2023.8.39818. (In Rus.)
12. Bravina, R. I., Petrov, D. M. Tribes “became the wind”: on the issue of the autochthonous substrate in the ethnocultural genesis of the Yakuts. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2018, No. 2(41), pp. 119–127. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127. (In Rus.)
13. Tikhonov, D. G., Zakharova, A. E., Neustroeva, T. S. Does Yakut folklore contain information about Neanderthals and Denisovans? *Historical ethnology*. 2018, Vol. 3, No. 1, pp. 14–28. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.14-28. (In Rus.)
14. Gotovtseva, L. M., Nikolaeva, T. N., Prokopyeva, A. K. Basic binary concepts as fragments of the Yakut linguistic picture of the world. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological*. 2017, iss. 3, pp. 21–30. (In Rus.)
15. Large explanatory dictionary of the Yakut language. In 15 vols. Vol. 1. Under general editorship P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 680 p.
16. Landscape and culture of the peoples of Yakutia: sacralization, symbolic strategies, geocultural images. Under general editorship E. N. Romanova, N. K. Danilova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2023, 344 p. (In Rus.)

17. Khudyakov, I. A. Brief description of the Verkhoyansk district. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 439 p. (In Rus.)
18. Seroshevsky, V. L. Yakuts: Experience of ethnographic research. Vol. 2: Materials, options, notes and tales remaining from the 1st volume. Compilation, comments, notes, edition by A. E. Zakharova. Yakutsk, Alaas Publ., 2022, 320 p. (In Rus.)
19. Extract from the minutes of the meeting of the Commission for the Identification and Study of Natural and Historical Monuments at the West Siberian Department of the State Russian Geographical Society, held on March 9, 1929. In: National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia). F. I-490. Op. 1. D. 68. L. 294 rev. (In Rus.)
20. About wild man. In: Archive of the Yakut Scientific Center SB RAS. F. 5. Op. 6. D. 246. L. 141–142. (In Yakut)
21. Chuchunaa. In: Archive of the Yakut Scientific Center SB RAS. F. 4. Op. 12. D. 44. L. 259–362. (In Yakut)
22. About wild man. In: Archive of the Yakut Scientific Center SB RAS. F. 5. Op. 6. D. 246. L. 145–147. (In Yakut)
23. Chukchas the liars (Chukchas steal women). In: Archive of the Yakut Scientific Center SB RAS. F. 4. Op. 12. D. 46. L. 431. (In Yakut)
24. Anisimova, M. A. Olenek – hosun's camp. In 2 book. Book 2: Folklore. Yakutsk, Bichik Publ., 2012, 192 p. (In Yakut)
25. Kobyai folklore. Editor-in-Chief M. T. Satanar. Yakutsk, Ayar Publ., 2022, 760 p. (In Rus.)
26. Bolo, S. I. The past of the Yakuts before the Russians came to Lena: according to the legends of the Yakuts of the former Yakut district. Yakutsk, Bichik Publ., 1994, 320 p. (In Yakut)
27. Historical legends and stories of the Yakuts. In 2 vol. Vol. 1. Edited by A. A. Popov. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1960, 322 p. (In Rus.)
28. Meletinsky, E. M. The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments. 2nd edition, revised. Moscow, Oriental Literature Publ., 2004, 462 p. (In Rus.)
29. Titov, A. A. Siberia in the 17th century: collection of old Russian articles about Siberia and its adjacent lands: With the attachment of a photo from an ancient map of Siberia. Moscow, G. Yudin Publ., 1890, 250 p. (In Rus.)
30. Emelyanov, N. V. Plots of the Yakut olonkho. Moscow, Nauka Publ., 1980, 374 p. (In Rus.)
31. Neklyudov, S. Yu. Folklore landscape of Mongolia. Myth and ritual. Moscow, Indrik Publ., 2019, 520 p. (In Rus.)
32. Pekarsky, E. K. Dictionary of the Yakut language. In 3 vols. Vol. 3. 2nd ed. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959. clmn. 2509–3858. (In Rus.)
33. Bogoraz, V. G. Chukchi. At 2 parts. Part 1: Social organization. Authorization lane from English, editor's foreword Ya. P. Alcor. Leningrad, Publ. House of the Institute of the Peoples of the North CEC, 1934, 191 p. (In Rus.)
34. Bogoraz, V. G. Chukchi. At 2 parts. Part 2. Religion. Authorization lane from English, edited by Yu. P. Frantsova. Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1939, 196 p. (In Rus.)
35. Taksami, Ch. M. Common features in the spiritual culture of the peoples of the Amur region and Sakhalin. In: Ethnocultural contacts of the peoples of Siberia. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 74–83. (In Rus.)
36. Okladnikov, A. P. Russian polar sailors of the 17th century off the coast of Taimyr. Moscow, Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1948, 158 p. (In Rus.)
37. Varlamova, G. N. Epic traditions in Evenki folklore: (essays). Yakutsk, Severoved Publ., 1996, 134 p. (In Rus.)
38. Tugolukov, V. A. Ethnic roots of the Tungus. In: Ethnogenesis of the peoples of the North. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 152–176. (In Rus.)
39. Khomich, L. V. Nenets legends about sikhirtya. In: Folklore and ethnography. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 59–69. (In Rus.)
40. Folklore of the Russian Ustye. Editors-in-Chief and Authors of the Preface S. N. Azbelev, N. A. Meshchersky. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 382 p. (In Rus.)
41. Dolgikh, B. O. The clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 16th century. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960, 622 p. (In Rus.)
42. Dikov, N. N. Ancient cultures of Northeast Asia: (Asia at the junction with America in ancient times). Moscow, Nauka Publ., 1979, 352 p. (In Rus.)
43. Kolomiets, O. P., Nuvano, V. N. The rite of cremation in the modern funeral practice of Chukchi reindeer herders. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2022, No. 1(56), pp. 171–181. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-56-1-14. (In Rus.)
44. Nefedkin, A. K. Military Affairs of the Chukchi (mid-17th–early 20th centuries). Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003, 352 p. (In Rus.)